

Евгений Замятин. Апрель

Рассказ

Источник: Е. И. Замятин; Избранные произведения в двух томах; Том 1.

Изд-во: "Художественная литература", Москва, 1990.

OCR: Александр Белоусенко; правка: Давид Титиевский, май 2005.

[Библиотека Александра Белоусенко](#)

На улице солнце. Дорога просохла. Вьется апрельская легкая пыль. И так сладко-больно глядеть на первую пыль, что может даже слеза застит глаз. А может, и так это - облако мимо летит, и никакой нету слезы, что, правда, за глупости такие!

А больших - это, вот, да: больших Насте жалко, уж наверно не могут они понять, что за сласть - сидеть вот и на первую пыль глядеть. Настя, будь ее воля, день бы целехонек тут на окне просидела, да дела, нельзя: одеваться, в гимназию идти - книги - шляпа... А вчера он про шляпу сказал:

- От вашей шляпы одни фикции болтаются: пора бы ее в печку.

А ну ее, правда! И - шляпу под стол, золотую косу - через плечо, вниз по ступенькам, через две, через три.

У ворот - липа, листьев нету еще, так только - дымка зеленая, повитая солнцем. А под липой - он стоит: чуть пробились усы, и любимое у него слово - фикция. Каждый день стоит тут и ждет. И каждый день воробьенком бьется сердце у Насти. Потому что ни разу еще не объяснялся он, и как знать - может, сегодня-то вот и... А тут еще вчера пари это Настя ему проиграла - за то, что спросили, а двойки он все-таки не получил. Мало ли, что он теперь может потребовать?

Настю провожал всегда Коля до старых городских, от зеленого мха корявых ворот. Тут, прощаясь, Коля вспомнил случайно - совершенно случайно:

- Ах, да, пари-то мое ведь? Во-от, чуть не забыл! Держит Настину руку, не отпускает, покраснел весь, голос чужой стал, басовитый - со страху:

- Я могу... потребовать. Я ни при чем, вы сами зачем затеяли...

Духу набрал - и головой в воду - ух!

- ...И вот хочу вас теперь поцеловать, и вы должны, потому что пари, а то - подло.

Нагнулся к Насте. Повторенный эхом - нежный, чуть слышный звук. И... Настя ни чуточки даже не осердилась. Ну, хотела же, правда - хотела, и увернуться тоже хотела, а вышло: не увернулась, а может быть, даже... Глаза Настя на минуточку малую закрыла, под ногами качнулось. Да, наверное, знаете, видели - вихорьки такие в апреле на улицах бывают: маленький, прозрачный закружился, и уж глядь - оторвался от земли - и к небу. Вот и Настя теперь летит так и не знает: где, когда, что...

Глаза открыла - очень плохо все видно. И не понять: куда Коля девался и откуда взялась - стоит Алексевна перед Настей.

- А-а, Настенька, здра-аствуй, милая, здравствуй! Что же это, с кавалерами-то уж на улице стала теперь целоваться? Вот оно ка-ак? Так-так-так.

А сама все ближе подвигается, и видать уж волосы на подбородке у Алексевны - на бородавках - трясутся от радости.

- Ах ты, б-бесстыдница, ах-ах-ах, а? Вот погоди: вот мамаше просвирочку заздравную отнесу, я ее - про дочку-то ее обрадую...

...Что - говорить? Что толку просить? Алексевну-то? Старую деву-то эту? Да разве ее упросишь?

В гимназии забудется все на минуту, закружится, пропадет в веселом весеннем шуме. Такое ведь за окном солнце. И вдруг - бледнее день, и клонится, вянет Настина голова.

"Об этом - о самом моем... Об этом - будут вслух? О!"

Звонок. Конец. Но домой нельзя еще идти: дождь. Столпились все внизу, в раздевальной, открыли окно в сад.

Там - зеленое притихло все, испугалось: а ну-ка вдруг конец веселому маю, солнцу - конец? Нависло-потемнело.

А Настя - о своем:

"Как все быстро это вышло и просто. Должно быть, все ужасное - просто".

Вдруг как запрыгают светлые капли, как засверкают. То-то потеха!